

не ради себя самого, онъ долженъ сдѣлать это ради дѣтей своихъ. Ему-то, во всякомъ случаѣ, нечего стыдиться этого имени. Его носили его отецъ, дѣдъ, многія поколѣнія его предковъ. Вспомните, какъ люди у насъ спорятъ изъ-за титула, какъ они вырываютъ его другъ у друга, когда является сомнѣніе относительно того, кто имѣлъ право наслѣдовать его. Тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній.

Убѣжденная этими всѣми аргументами мистрисъ Винсентъ, наконецъ, выразила мнѣніе, что ея родственникъ долженъ немедленно принять имя отца своего.

XVII.—Важный вопросъ.

Кромѣ Крокера, мистрисъ Винсентъ, матери и сэра Бореаса многіе живо интересовались дѣлами Джорджа Родена. Въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежало лэди Персифлажъ.

«Постарайся принять его какъ можно любезнѣе,—писала она сестрѣ.—Теперь больше ничего не остается. Имя прекрасное и хотя итальянскіе титулы не цѣнятся такъ wysoko, какъ наши, тѣмъ не менѣе, когда они такъ хороши какъ этотъ, они имѣютъ большое значеніе. Существуютъ подлинныя лѣтописи фамиліи ди-Кринола; нѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ глава ея. Протяни ему руку и выпиши его въ Траффордъ, если Кинсбёри достаточно оправился. До меня дошли слухи, что онъ совершенно приличенъ, очень статенъ и пр., совсѣмъ не изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, стоя въ комнатѣ, дрожать, потому, что не умѣютъ сказать слова. Если бы онъ былъ въ этомъ родѣ, Фанни никогда не увлеклась бы имъ. Персифлажъ толковалъ о немъ кое-съ-кѣмъ и говорить, что что-нибудь наѣрное устроится, если его обставлять какъ слѣдуетъ и онъ не будетъ стыдиться своей фамиліи. Персифлажъ готовъ сдѣлать все, что можетъ, но прежде всего необходимо, чтобы ты раскрыла молодому человѣку свои объятія».

Письмо это очень смущило лэди Кинсбёри. Раскрыть свои объятія герцогу ди-Кринола она, пожалуй, еще могла, но какъ раскрыть ихъ лэди Франсесъ? дѣвушкѣ, которую она запирала въ Кенигсграфѣ, письма которой перехватывала? Тѣмъ не менѣе, она согласилась.

«Никогда не полюблю я Фанни,—отвѣчала она сестрѣ,—она такая хитрая. Но, конечно, выпишу ихъ обоихъ сюда, если